

Кризис индустриальной распределительной модели и перспективы развития информационного общества в России

А.Г. ГЛИНЧИКОВА

Статья посвящена специфике трансформации советской индустриально-распределительной модели общественного развития (получившей название «социализм») в информационно-сетевую. Особое внимание сконцентрировано на кризисе индустриально-распределительной модели информации и управления, обострившемся в период 1960—1990-х годов. На основании конкретного анализа динамики таких параметров, как уровень социальной неравномерности, уровень деградации интеллектуальной среды, уровень развития внутреннего рынка, уровень централизации коммуникационной инфраструктуры, уровень восходящей эгалитаризации фиксируется нарастание противоречий между неоиндустриальной распределительной элитой, заинтересованной в сохранении и в новых условиях информационной монополии с вертикальным типом циркуляции информации и постиндустриальной социальной средой, заинтересованной в переходе к информационно-сетевому типу социального развития. От результатов этого социального противостояния и будет зависеть выбор Россией пути развития информационного общества — неоиндустриального с преимущественно иерархически-вертикальным типом циркуляции информации и сетевого.

Информационное общество или, точнее, использование новых информационно-коммуникационных технологий может быть конструктивным и деструктивным в зависимости от того, на какую социально-политическую и культурную почву эти технологии накладываются. Важнейшими факторами риска являются степень социальной равномерности общественного пространства, уровень развития институтов и практик гражданского контроля и участия в управлении социальными процессами и, конечно, состояние общественной интеллектуальной среды — главной социальной базы и субъекта информационных преобразований.

Пожалуй, именно эти три момента и составляют решающие предпосылки для социально-эффективного перехода от иерархически вертикальных форм социальной интеграции, контроля и управления, характерных для индустриального общества, к сетевым, лежащим в основе информационного. В социально неравномерном обществе с неразвитыми институтами общественного учас-

тия и дефидированной интеллектуальной средой внедрение информационных технологий тоже возможно, но оно может получить совершенно иной вектор развития, направленный не на эволюцию в сторону сетевого общества, а, напротив, на усиление социальных, информационных, культурных и политических разрывов, чреватых необратимыми разрушительными последствиями для общественного целого.

Итак, какие же предпосылки к развитию информационного общества в России оставил нам предшествующий распределительно-индустриальный этап, получивший название социализма?

Социальная неравномерность

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это очень высокий уровень социального, экономического, структурного и культурного неравенств, определивших высокую степень общественной неравномерности. Формы проявления этой неравномерности весьма разнообразны, и динамика ее нарастания тревожна.

Так, неравенство по доходам достигло в России уровня 1:13, в то время как в наиболее развитых странах это соотношение не превышает 1:4; 1:5 [Смирнов 2001].

Весьма настораживает также тенденция роста неравенства в сфере образовательных возможностей. К концу 1990-х годов группа детей руководителей превысила четверть от числа всех выпускников средних школ, поступивших в вузы [Константиновский 1999, с. 81].

На конец 1990-х годов приходится также очень высокий уровень неравенства по доходам среди регионов — 1:10 [Социальное расслоение 1999, с. 27].

Очень высок уровень неравенства и неравномерности по отраслям. Так, средняя зарплата работника в газовой промышленности составляет 392 % от средней по России, в цветной металлургии — 195 %, в науке — 82 %, в сельском хозяйстве — 46 %, в легкой промышленности — 51 % [там же, с. 27, 28].

Все это не может не отражаться на коммуникационной инфраструктуре, порождая исключительно опасное неравенство в сфере коммуникационных возможностей. Так, уже к 2000 г. число внешних международных каналов связи на базе цифровых технологий увеличилось в 48 раз по сравнению с началом 1990-х годов, в то время как число внутренних междугородних каналов связи выросло лишь в 2,6 раза [Информационное пространство 2000, с.23, 24]. Таким образом, внешняя информационная интеграция по темпам и масштабам своего развития более чем в 18 раз опережает внутреннюю.

Не меньшей неравномерностью отличается и сама коммуникационная инфраструктура. Международные сети, включающие в себя более 50 тыс. цифровых каналов связи, в основном построены на базе новых телекоммуникационных технологий (40 % — цифровые). Особые преимущества в связи с этим имеют Москва, Петербург, Ростов-на-Дону, Самара, Екатеринбург, Новосибирск, Хабаровск (т. е. несколько крупных городов). Совсем иная ситуация складывается в междугородной сети, имеющей в своем удельном весе лишь 15 % цифровых систем. Большая же часть сети базируется на устаревших технологиях, изно-

Кризис индустриальной распределительной модели...

шенна и мало обновляется [там же, с. 24]. Почти в нетронутым виде сохраняется прежняя топология коммуникационной системы, унаследованная от жестко-централизованного индустриального этапа и все меньше отвечающая потребностям индивидуализированного сетевого развития. В самом худшем (с точки зрения средств коммуникации) положении находятся Урал, Крайний Север, Сибирь, Дальний Восток (т. е. как раз те регионы, где средства коммуникации должны бы, напротив, развиваться опережающими темпами с использованием более совершенных технологий, учитывая отдаленность и стратегическую важность этих регионов). Что же касается местных сетей, охватывающих примерно 1 тыс. городов и 2 тыс. населенных пунктов, то их общая длина не превышает 35 тыс. км, в то время как длина магистральных сетей составляет около 350 тыс. км. Волоконно-оптические технологии на этом уровне составляют 0,35 % [там же, с. 24, 25], хотя отрасль в целом развивается достаточно динамично и имеет неплохие инвестиционные возможности.

Деградация национальной интеллектуальной среды

Вторым (после неравномерности) опасным наследием индустриального распределительного этапа в России стало прогрессирующее разрушение национальной интеллектуальной среды*, которая является основной социальной базой информационно-сетевого общества. Именно эта среда стала в СССР таким же продуктом массовизации интеллектуального высококвалифицированного труда на этапе позднеиндустриального развития, каким для западного общества явился новый средний класс, оформившийся и вышедший на политическую арену в послевоенный период в условиях рыночного индустриализма.

Особенно переломными здесь оказались 1990-е годы, когда капиталовложения в науку упали с 3,6 % ВВП в 1990 г. до 0,9 % ВВП в 1992 г. [Научно-технический прогресс 1992, с. 33].

Численность ученых за это же время сократилась с 1019 до 947 тыс. человек [Народное хозяйство 1988, с. 55; Народное хозяйство 1992, с. 323, 335]; создание и освоение новой техники — с 6,9 тыс. единиц в 1990 г. до 0,9 тыс. единиц в 1991 г. [Народное хозяйство 1988, с. 69; Народное хозяйство 1992, с. 342]. На 24 тыс. человек сократилась с 1991 по 1997 г. численность ученых, занятых исследованиями и разработками в рамках РАН. [Информационное пространство 2000, с. 63]. Затраты на научные разработки за это же время сократились в 4 раза и составили к 1997 г. 0,94 % ВВП по сравнению, скажем, с США, где эта цифра составляла 2,61 % к их ВВП [там же, с. 64, табл. 5].

Важнейшим показателем качества национального интеллектуального потенциала является степень его информированности и подключенности к глобальной научно-информационной среде. В этой сфере Россия имела в 1992 г. лишь около 7 научных журналов (6,8) на 10 тыс. научных работников, в то время как в Великобритании это число составляло 408,9, а в США более 182 научных журналов [там же, с. 81].

* Термин «национальная» употребляется в европейском смысле «внутренняя общегражданская», а не связанная с той или иной национальностью.

Если мы возьмем более современные формы коммуникации ученых, такие, как, подключение к Интернету, то, по данным на 2000 г. подобную возможность имели лишь 60 % НИИ, только 25 % из них имели свой сервер, электронной почтой располагали 71 % вузов и лишь 40 % из них имели свой сервер [там же, с. 76]. И все это при исключительно высоком уровне неравномерности доступа к информационным средствам внутри самих институтов.

С 1992 г. прекратилось централизованное выделение валюты для закупки иностранной научной литературы. Если до 1990 г. в Россию поступало не менее 50 % зарубежных научных изданий, то после 1994 г. РАН закупала не более 5 % новых зарубежных изданий [там же, с. 80].

Серьезным показателем общей деградации интеллектуальной среды является отрицательная динамика выпуска книг и брошюр. С 1990 по 1997 г. средние тиражи книг сократились в 4 раза (с 37,7 тыс. до 9,7 тыс. экземпляров), в 3 раза уменьшилось количество книг на 100 человек населения (с 1047 до 298) [Печать Российской Федерации 1999, с. 208, 209].

Уровень заработной платы также свидетельствует о деградации интеллектуальной среды. Так, в 60 % населения страны, находящиеся за официальной чертой бедности, почти полностью входит ее интеллектуальный потенциал, занимающий уровни до 14 разряда бюджетной сетки [Социальное расслоение 1999].

Неразвитость внутреннего рынка и высокий уровень централизации коммуникационной инфраструктуры

Третьим опасным наследием распределительного индустриализма в России стала неразвитость внутреннего рынка, связанная с низкой покупательной способностью общества в целом и невероятно низким для индустриально развитых стран уровнем доходов на душу населения.

И наконец, четвертым фактором, препятствующим эффективному развитию сетевого общества в России, стал унаследованный от предыдущего этапа высокий уровень централизации коммуникационной инфраструктуры. Так, в 1998 г. на одну линию связи приходилось 6 человек, в то время как в США — 1,5. Общее количество телефонных линий в России при ее масштабах составляло чуть больше 25 млн, а в США эта цифра равнялась 182 млн [там же, с. 21—22, табл. 1].

Таким образом, следует признать, что распределительный индустриальный этап оставил нам опасное наследие в виде высокого и, главное растущего, уровня социальной, структурной, информационной, культурной неравномерности общества и деградирующей интеллектуальной среды.

Чтобы строить прогнозы и говорить о перспективах использования новых информационных технологий в условиях подобной социальной неравномерности, мы должны ответить на вопрос, в чем состоят причины такого наследия распределительного индустриального этапа в России. Следует понять, исчезли эти причины общественной неравномерности в процессе трансформации 1990-х годов или же только изменили форму, продолжая разрушительно воздействовать на общество.

Кризис индустриальной распределительной модели...

Таблица 1 **Уровень доходов на душу населения в 1993, 1996 гг. в России и США**

Год	Россия	США
1993	2780 долл. в год	25050 долл. в год
1996	2410 долл. в год	28020 долл. в год

Источник: [Информационное пространство 2000, с. 26].

Защитники социализма обычно рассматривают рост неравенства в обществе как результат трансформационных процессов. Сторонники же реформ, наоборот, винят во всем пережитки прошлого, объясняя неравномерность недостаточностью и половинчатостью преобразований. На наш взгляд, ни тот, ни другой подход (хотя оба они и содержат элементы истинности), не объясняют в полной мере препятствий для развития сетевого общества в России просто потому, что главные препятствия в СССР, а затем и в России лежали и лежат не столько в экономической и даже в социальной, сколько в социально-политической сфере (в сфере социально-политических интересов).

С нашей точки зрения, не существовало непреодолимых технических, экономических, культурных препятствий для эволюции распределительного индустриализма в направлении сетевого общества. Но существовали действительно непреодолимые (в отличие от рыночной модели) политические препятствия, главным из которых был доминирующий тип господства — монополия на информацию и управление. Трансформация такого общества в сетевое не оставляла индустриально-распределительной элите никаких шансов на господство. Свертывание тенденций, способствовавших развитию информационного общества, началось задолго до реформ еще в рамках распределительного индустриализма и лишь усилилось и изменило свои механизмы в процессе реформ. Поэтому корни этих деструктивных процессов уходят в так называемый зрелый социализм, продолжая жить и сегодня и проявляться на новом уровне. Современная ситуация в целом, даже при открывшихся новых информационных и коммуникационных возможностях, сохраняет опасный политический вектор, способствующий усилению социальной неравномерности, чреватой политическими расколами и разрывами, т. е. несущий дезинтеграцию в общество. Оформившиеся в застойные времена противостояние старой распределительно-индустриальной и постиндустриальной информационной элит не исчезло, а лишь приняло новые формы.

Основные черты распределительно - индустриальной модели и этапы ее эволюции

Главной особенностью этой модели была государственная централизованная, иерархически выстроенная монополия на информацию и распределительный вертикальный тип ее циркуляции. Эта система при всей ее громоздкости и инертности оказалась достаточно устойчивой для определенного этапа развития и

даже способной к некоторой эволюции. В целом мы можем выделить, как минимум, два этапа эволюции распределительной информационно-управленческой системы в соответствии с вызовами времени.

Первый этап пришелся на 1920—1950-е годы — время преимущественно экстенсивного роста системы. В этот период распределительно-управленческий аппарат должен был приспособливаться в основном к количественному росту системы, выражавшемуся в увеличении масштабов производства и усилении специализации. Основной реакцией информационно-управленческой структуры на подобные вызовы системы стала череда «укрупнений—разукрупнений», которая приобрела циклический характер, наподобие раскачивающегося маятника со все уменьшающейся амплитудой.

Так, если сразу после революции было создано всего 4 наркомата, то в 1920-е годы начался резкий рост управленческого аппарата. С 1937 по 1939 г. управленческий аппарат вырос на 25,1 %, а численность рабочих лишь на 1 % [Коржухина 1994, с. 223]. Последнее конвульсивное «укрупнение—разукрупнение» пришлось на 1953—1954 гг. В 1953 г. из 24 министерств осталось 11, но к 1954 г. их снова стало 25, а затем пошел быстрый рост [там же, с. 231].

Такая модель эволюции информационно-управленческой системы была естественной для эпохи количественного роста и давала временный эффект. Так, для повышения оперативности связи управленческих структур с общественной системой требовалось их расширение и специализация, которые, в свою очередь, достигая определенной степени структурной сложности, нуждались в последующем упрощении и сокращении для повышения эффективности циркуляции информации уже в самих управленческих структурах. Таким образом начинался этап укрупнения. Дойдя до определенного уровня, он снова оборачивался отрывом аппарата от управляемой им системы, и развивался новый виток разукрупнения. Вертикально устроенная иерархически организованная система постоянно вращалась в кругу этого внутреннего противоречия, сокращая циклы.

Второй этап модификации индустриально-распределительной управленческой системы, менее эффективный, был связан с новым типом вызова. Он продолжался с середины 1950-х годов до перестройки и начала рыночных реформ. Главным вызовом второго этапа стала НТР и переход к эпохе качественного роста. В свою очередь, этот этап распадается на два подэтапа.

В ходе первого подэтапа в 1950—1960-е годы («хрущевская оттепель») была предпринята попытка дополнить жестко централизованную вертикально-отраслевую структуру управления горизонтально-административными образованиями с целью преодолеть нарастающий разрыв между информационно-управленческим аппаратом и общественной системой. Сопутствовавшие этому процессу демократизация и децентрализация управленческих функций при сохранении в целом прежнего типа управления хотя и внесли некоторую свежую струю, во-первых, обернулись общим разбалансированием системы, а во-вторых, вызвали серьезные опасения у информационных монополистов за свою судьбу. Реакция индустриальной распределительной элиты не заставила себя долго ждать, и «хрущевская оттепель» завершилась так же внезапно, как и началась.

Второй подэтап реформ информационно-управленческой индустриальной системы в ответ на вызовы НТР получил название «реформы Косыгина». Они

Кризис индустриальной распределительной модели...

также носили достаточно «судорожный» характер: начинались, затем отменялись, потом следовала очередная попытка. Суть их сводилась к механическому соединению двух сфер, секторов социальной системы — науки и производства. Фактически попытались осуществить административно-централизованную координацию того самого взаимодействия науки и производства, которое и составляло специфику качественного роста. Попытка стимулирования качественного роста с помощью индустриально-распределительных механизмов безнадежно провалилась, даже несмотря на невероятные усилия, в результате которых к 1980-м годам было создано 4 тыс. научно-производственных объединений, выпускавших до 46 % от общего объема производимой продукции [Коржихина 1994, с. 241]. Ни лавинообразный рост управленческого аппарата конца 1970-х — начала 1980-х годов, ни накал информационных репрессий уже не могли остановить надвигавшегося коллапса системы, все более терявшей свою управляемость. Начиная с 8-й пятилетки установилась стабильно отрицательная динамика роста, завершившаяся кризисом конца 1980-х годов и развалом системы.

Нарастание позитивных тенденций для развития информационного общества в рамках распределительной индустриальной модели

Первой и важнейшей позитивной тенденцией была прежде всего восходящая эгалитаризация — нарастание восходящего равенства. Это — основополагающий признак прогресса любой социальной системы, но особенно бурно эти явления стали развиваться на стадии позднего индустриализма.

Рассмотрим динамику этого процесса. С 1928 по 1940 г. численность студентов в высших учебных заведениях выросла в 5 раз и достигла 812 тыс. человек [там же, с. 241]. Перепись населения 1937 г. показала значительный рост числа лиц, занятых умственным трудом (13 млн человек по сравнению с 4—5 млн до революции [Социальное расслоение 1999, с. 71]. Высоких темпов достигла индустриализация — численность рабочих с 1925 по 1940 г. выросла с 2,5 млн до 36 млн человек [там же, с. 72]. Наблюдался очень высокий уровень восходящей социальной мобильности.

К 1960-м годам распределительный индустриализм в СССР наряду с рыночным на Западе вступает в эпоху массовизации интеллектуального и высококвалифицированного труда. Этот процесс шел достаточно бурно, и ему способствовало несколько факторов.

Во-первых, интенсивное развитие военного производства и науки в послевоенный период, поглощавших наибольшую массу лиц, занятых высококвалифицированным трудом. Во-вторых, развитие идеологической сферы, значение которой все сильнее возрастало по мере снижения эффективности прямых репрессий и насилия над обществом со стороны государства. Именно эти две сферы поглощали большую часть интеллектуального потенциала и были теми нишами, в рамках которых шло активное формирование постиндустриальных ценностей и психологии протеста [там же, с. 80].

Между тем идеологическая инерция лозунга равенства требовала движения в данном направлении. К началу 1970-х годов страна вышла на уровень всеобщего среднего образования. Этому способствовал и демографический момент. В связи с предшествовавшей Великой Отечественной войной поколение 1960-х годов оказалось настолько малочисленным, что имело наилучшие, почти безграничные, возможности для получения высшего образования и оказалось весьма востребованным в военно-технологической и образовательно-идеологической сферах [Тенденции социокультурного развития 1996]. Дети «врагов народа» хлынули в образовавшуюся социальную нишу и составили костяк того самого знаменитого поколения шестидесятников, ставшего колыбелью постиндустриального протеста.

С середины 1960-х годов выпуск учащихся из средних школ ежегодно утрачивался, достигнув максимума к середине 1970-х [там же, с. 40—41]. Но с середины 1970-х начался резкий перелом: массовизация интеллектуального высококвалифицированного труда замедлилась. Это отражалось на динамике роста численности ученых. Стремительный рост в 1960—1970-х годах (в этот период численность ученых выросла с 243 до 631 тыс. человек) в 1970—1980-х годах замедлился (рост с 631 до 938 тыс. человек), затем замер (в 1980—1985 численность ученых выросла с 938 до 1019 тыс. человек) с тем, чтобы в 1990-х годах обернуться резким обвалом [там же, с. 19].

Конечно, причины этого явления были очень многообразны и носили субъективно-объективный, т. е. как социально-политический, так и экономический характер. С одной стороны, массовизация интеллектуального и высококвалифицированного труда уперлась в жесткие границы платежеспособного спроса на высококвалифицированные услуги, связанные с экономическими особенностями распределительной индустриальной модели. С другой стороны, массовизация интеллектуального труда порождала новую социальную среду, по своим потребностям и возможностям представлявшую реальную угрозу господствовавшей индустриальной элите в ее стремлении сохранить монополию на власть и информацию. Поэтому уже с конца 1970-х годов нарастало противостояние между распределительной индустриальной элитой и новым средним классом, порожденным массовизацией высококвалифицированного труда и достигшим к 1980-м годам в СССР масштабов, вполне сопоставимых с европейскими (до 30 % населения) [Социальное расслоение 1999, с. 74].

Высокий и становившийся все более опасным для распределительной элиты уровень равенства информационных и образовательных возможностей поддерживался достаточно высокой степенью равномерности в сфере распределения доходов. Распределение доходов на душу населения в 1988 г. представлено в табл. 2.

Различие между группами, весьма ошутимое в те времена, выглядит ничтожным по сравнению с теперешним.

Кризис индустриальной распределительной модели...

Таблица 2 **Распределение доходов на душу населения**

Среднедушевой доход, руб.	75	75-100	100-150	150-200	свыше 200
Доля населения от общего состава, %	6,5	13,1	34	24,6	22
Группы населения по доходу	низшие	средние			высшие

Источник: [Белова, Дмитриев 1990, с. 143].

Нарастание противоречий между индустриально-распределительной элитой и постиндустриальной средой и фазы их противостояния

Можно выделить две фазы противостояния индустриальной элиты и постиндустриальной среды. Первая продолжалась с конца 1970-х до начала 1990-х годов — до периода конвертации власти в собственность. Вторая с начала 1990-х годов с различными вариациями продолжается и сегодня.

Первая фаза характеризовалась латентными формами наращивания социальной дифференциации и информационного неравенства. Эта латентность, «неформальность» наращивания социальных барьеров была связана прежде всего с тем, что развивалась в рамках объективно враждебного и противоположного ей идеологического и экономического оформления, ориентированного на эгалитаризм. Кто не помнит той жуткой в своем сюрреализме картины, когда при открытии очередного съезда партии все политбюро, стоя, пело «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!»?

На самом деле ценности возвышающего эгалитаризма, основанного на восходящей социальной мобильности, противоречили вовсе не природе человека и тенденциям прогресса, как нам объяснили позже. Ценности восходящего эгалитаризма противоречили прежде всего интересам правившей индустриально-распределительной элиты, которая совершенно правильно увидела в них угрозу своей информационно-управленческой монополии. То, что потом стали называть эгалитаризмом и клеймить, как противоречащую природе человека уравниловку, было понижающим эгалитаризмом, который использовался распределительной элитой для искусственной консервации общества на индустриальной стадии. Искусственное «орабочивание», выравнивание по доходам представителей высококвалифицированного и неквалифицированного труда, навязываемое обществу распределительной элитой с конца 1970-х годов, не имело ничего общего с восходящим эгалитаризмом как с реальной постиндустриальной тенденцией и было ей прямо противоположно.

Поэтому все тезисы крупных экономистов по поводу того, что численность интеллигенции в СССР была слишком высока относительно потребностей экономики, разбиваются об один единственный вопрос: кто диктовал потребности в экономике, для которой в России к 1980-м годам вдруг оказалось слишком много интеллектуалов? Слишком много для кого и для чего?

Впрочем, идея эта являлась достаточно функциональной, так как после того как общество устало от практики искусственного, понижающего эгалита-

ризма, возникла возможность уже открыто и, не стесняясь, провозгласить принцип социального неравенства как неизменный атрибут истинного прогресса.

Наращивание социального неравенства в условиях общественной собственности и провозглашаемых эгалитарных ценностей требовало поистине титанических усилий от элиты и имело достаточно жесткие границы. Удар был нанесен прежде всего по сфере доступа к образованию, поскольку именно здесь сохранялась главная возможность отрезать будущих претендентов-конкурентов на хлебные информационно-управленческие должности. К 1980-м годам стало ясно, что ситуация сложилась критическая (табл. 3).

Итак, первой реакцией индустриально-распределительной информационной элиты на массовизацию образования стало включение неформальных механизмов сдерживания этого процесса путем наращивания ограничений в сфере доступа к образованию. Именно с середины 1970-х годов активно формировались наследственные профессиональные касты, резко снижалась социальная мобильность.

Второй удар по интеллектуальному потенциалу общества был нанесен с помощью социальных методов перераспределения доходов. Эта политика выражалась в искусственном сокращении заработной платы работников высококвалифицированного труда и сведения ее почти до уровня оплаты неквалифицированного или низкоквалифицированного труда. Используемый метод формально напоминал социалистический принцип равенства, что облегчало его применение в рамках господствовавшей эгалитарной идеологии.

С конца 1970-х годов цена высококвалифицированного труда начала снижаться до цены низко- или среднеквалифицированного труда, а порой даже ниже (табл. 4).

Началась скрытая деквалификация интеллектуального потенциала: в 1985—1987 гг. более 5 млн человек с дипломами о высшем образовании работали рабочими. Не по специальности работали 41 % с высшим и 59 % со средним образованием (каждый третий выпускник вуза) [Константиновский 1999, с. 51]. Так искусственно поддерживался общий эгалитарный социальный рельеф общества при постепенном сокращении интеллектуального потенциала и снижении социальной мобильности.

Третьей формой противостояния стал рост информационных репрессий на идеологической почве, достигший беспрецедентных национально-разрушительных масштабов в середине 1980-х годов и обусловивший полную профнепригодность большей части ученых, занятых вне сферы военного производства. Сильнее всего пострадали общественные науки.

К концу 1980-х годов ресурсы неформального, латентного наращивания неравенства с целью удерживать монополии на власть и информацию в рамках чисто распределительной модели были практически исчерпаны. Именно в это время подоспел и демографический фактор. Все помнят череду похорон, обрушившуюся на нас после кончины Л.И. Брежнева. Высший эшелон старой индустриальной элиты, провластвовавшей вследствие войны и репрессий как минимум три срока, начал физически вымирать, не оставляя своим потомкам формально равным с другими, а на деле привыкшим к немислимым для других привилегиям, никакой приемлемой легитимации для наследования информационно-управленческой монополии в условиях чисто распределительной модели. Пробыл час конвертации власти в собственность.

Кризис индустриальной распределительной модели...Таблица 3 **Число выпускников школ, поступивших в высшие учебные заведения**
(на 100 выпускников)

Год	Дети рабочих и крестьян	Дети служащих	Дети руководителей
1963	11	14	6
1983	9	17	3
1994	5	18	20

Источник: [Константиновский 1999, с. 186—187].

Таблица 4 **Уровень заработной платы в 1985 году, руб.**

Сфера деятельности	Заработная плата
Промышленность (рабочие)	218,9
Медицина	141,1
Образование	154,9
Наука	209,9

Источник: [Тенденции... 1996, с. 151].

Так началась вторая фаза противостояния двух социальных слоев — индустриально-распределительной элиты и новых средних слоев (сферы массового высококвалифицированного труда — учителей, врачей, инженеров, ученых, представителей культуры), но уже за рамками распределительной модели. Отказ от устаревших принципов эгалитаризма в экономике и идеологии открыл новые горизонты теперь уже для законного и беспрепятственного наращивания социального неравенства и разрушения интеллектуального потенциала общества. Ставка на сырьевой путь развития была призвана обеспечить сносное существование индустриально-распределительной элиты в условиях общей социальной деградации.

Революция прошла почти бескровно. Либеральный лозунг приватизации во имя прогресса, свободы и преодоления застоя одни восприняли как путь к ослаблению и ликвидации информационно-управленческого неравенства и привилегий, другие, напротив, как средство их усиления и упрочения. Обе элиты сделали ставку на экономические и технологические преобразования, ожидая позитивных для себя плодов. Кто победит и какая из двух тенденций возобладает? Эти вопросы сегодня очень важны. Именно от их решения зависит место России в формирующемся глобальном информационном мире.

Литература

- Белова Н.Р., Дмитриев И.И. Семейный бюджет (статистический аспект). М.: Финансы и статистика, 1990.
- Информационное пространство новых независимых государств / Под ред. Ю.А. Арского и др. М.: ВИНТИ, 2000.

- Константиновский Д.Л.* Динамика неравенства. Российская модель в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 — декабрь 1991. М.: РГГУ, 1994.
- Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988.
- Народное хозяйство Российской Федерации 1992. М.: Финансы и статистика, 1992.
- Научно-технический прогресс в Российской Федерации. СПб: Рес. информ.-изд. центр, 1993.
- Печать Российской Федерации в 1998 г.: Статистический сборник. М.: Российская книжная палата, 1999.
- Смирнов С.Н.* Социальная ответственность государства и домохозяйств // Мир России. 2001. №2.
- Социальное расслоение и социальная мобильность. М.: Наука, 1999.
- Тенденции социокультурного развития России. 1960—1990 гг. / Отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М.: Российский институт культурологии МК РФ и РАН, 1996.